

ЯНА

МИР ЖЕНЩИНЫ,
УМЕЮЩЕЙ ДАРИТЬ
И НИЧЕГО НЕ ТРЕБОВАТЬ ВЗАМЕН...

КУЗНЕЦОВА

ПРОЗРАЧНЫЕ КРЫЛЬЯ СТРЕКОЗЫ

Яна Кузнецова

Прозрачные крылья стрекозы

<https://litres.ru/66840663>

Прозрачные крылья стрекоз:

ISBN 978-5-17-133700-1

Аннотация

<r>Таинственный ловец стрекоз, престранный «коллекционер чужих страхов» – пугающий наблюдатель... Он ведет дневник, содержащий тайны персонажей романа, ведомые до поры только ему, незримо присутствует в жизни героев, бесшумно стоя за спиной... Ему суждено до поры сохранить их секреты, хотя, он знает о каждом «скелете в шкафу».</p><p>Атмосфера психиатрической больницы, секты, полные драматизма рассказы о жизненных коллизиях, переплетаются в романе с повествованием о жизни, казалось бы самых обычных людей. Личности и ситуации, открывается автором романа с очень неожиданной, а порой и шокирующей стороны. Зависть, подлость, коварство. Вся гамма темных сторон человеческой души раскрывается на фоне узнаваемых московских декораций и событий.</p><p>Однако, искренность и любовь, несомненно, сильнее мрака. И этот теплый маяк выведет героев из мглы драматичных событий.</p>

Содержание

Часть первая	4
Из дневника	4
1	6
2	44
3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Яна Кузнецова

Прозрачные крылья стрекоз

Часть первая

Из дневника

Сегодня я принялся вести дневник – вот и первая запись. Возможно, что мои рассуждения, воспоминания и заметки будут изложены недостаточно изящно, но ведь я и не писатель. Я – обыкновенный человек с достаточно редким хобби, суть которого – коллекционирование чужих страхов. Увлечение это пришло ко мне достаточно давно, и за годы я сумел собрать много реликвий, главной из которых является знаменитый мамин поясok, с которого все, пожалуй, и началось... К большому сожалению сам страх – не та субстанция, что можно хранить в герметично закрытой пробирке (иначе бы я давно изучил его цвет, запах и вкус), потому приходится довольствоваться лишь фотографиями искаженных ужасом лиц и вспоминать едко-кислый дух, что издают испуганные жертвы.

Да, кстати, тетрадку эту купил я лишь по одной причине – меня привлекла обложка с прекрасной фотографией. Безымянный фотограф запечатлел кружение стрекоз над зеленою водой. Что за чудесные насекомые – тоненькие слюдяные крылышки, бирюзовое тельце и фасетки глаз. Любопытно, что они испытывают, попадая на острие булавок. Я проводил подобный эксперимент сотни раз, но так и не разглядел в глазах стрекозы ничего, кроме своего отражения. Эти прекрасные мертвые насекомые составляют в моей комнате изысканные композиции. Я думаю, что мама, будь она жива, пришла бы в восторг. Ведь это она в свое время научила меня видеть и ценить истинную красоту.

Мама, мама. Где ты теперь? В стране мертвых стрекоз, в мире моих детских страхов или совсем рядом – здесь, в тайном уголке комнаты. Я знаю, что ты видишь меня и должна быть довольна своим мальчиком, который так ничего и не изменил с тех пор, как был вместе с мамой, под ее надежным крылышком, под ее теплым одеялом... В этом поганом мире, наполненном человеческими отбросами, похотливыми самками и грязью я никогда не найду никого, кто мог бы сравниться с тобой. Не найду и не стану искать...

В неожиданном обличье пришла к Елизавете Дмитриевне главная любовь ее жизни. Не в рыцарских доспехах принца, не в элегантном костюме преуспевающего бизнесмена, не в белом докторском халате коллеги-психиатра, а в убогой казенной пижаме пациента. И мучительно пустыми стали для нее домашние вечера, тогда как утренние часы обрели новое изумительное значение. Каждое уже заученное движение – душ, кофе, шаги по лестнице, приближали ее к встрече с единственным, и, наверно первым по настоящему желанным мужчиной, который по злой иронии судьбы оказался в доме скорби, среди блаженных и безумных, забытый всеми и выброшенный на обочину жизни...

...На вокзале всегда толкотня, независимо от сезона, дня недели, времени суток. В воздухе висит запах дешевых пирожков, машинного масла и нечистого человеческого тела. По платформам снуют цыгане, а возле урн копошатся искалеченные многолетним пьянством бродяги, чьи лица всегда одинаковы, щелочки-глаза бессмысленны, а жизнь изо дня в день катится по незатейливому кругу – дешевая водка, горсть объедков, ночлег.

Елизавета Дмитриевна всегда удивлялась мясистым теткам, которые будто бы и, не замечая всего этого, пристра-

ивались вместе со своими груженными тележками на лавках рядом с дремлющими бомжами. Сама она за годы так и не привыкла к вокзальному духу, потому проскакивала через платформу зажмурившись. И так каждое утро – троллейбус, метро, вокзальный смрад, а там уже и стук колес, шипение дверей и хохот окраинной шпаны – вечных пассажиров подмосковных электричек. В проходе унылые люди продают много всего ненужного, и Елизавете Дмитриевне, которая, несмотря на двадцатипятилетний свой возраст так и осталась робкой и совестливой девочкой Лизой, всегда бывало жалко этих людей и стыдно за то, что ничего у них не покупаешь, а после череды чумазых побирушек дошкольного возраста, слепых старцев и безногих парней в форме десантников на душе оставался тяжелый осадок. Потому Лиза с облегчением выходила на платформу маленькой станции и пробегала через парк к больничной проходной.

...Кто-то когда-то додумался засадить весь двор туями. Кладбищенское растение здорово прижилось и густо разрослось, но на больничном дворе не стало уютнее. Извечная стая собак сопровождала громохание цинковых обеденных фляг, а между потемневшими от дождей и времени корпусами бродил бесприютный ветер лихо, врываясь на пустырь зарешеченной прогулочной территории – просторной клетки, где два раза в день – до обеда и перед скудным ужином, блуждают люди-тени, бывшие в прошлом трудягами или бездельниками, эгоистами или филантропами, мудрецами, под-

лецами, гениями. Разные люди, которых сравнило безумие, опустошив их глаза, сгладив мысли и похитив желания.

Безумие с годами стало главным Лизиним врагом. Она не могла так вот, просто, без боя отдать в его цепкие лапы своих пациентов. Только вот психиатрия, что виделась с институтской скамьи такой загадочной и человеколюбивой наукой, свелась к тоскливой рутине – должностные инструкции, список разрешенных препаратов, формальные беседы и отделенческие конференции, где прослушивались полуграмотные отчеты-кляузы дежурных сестер, увенчанные стандартной речью заведующей. Эта дебелая дама с картонными буклями на воловьем затылке наиболее органично смотрелась бы в качестве завсекцией гастронома, но какие-то чудо-ветра занесли ее в психиатрию, где, разработав собственные постулаты лечения, она нещадно муштровала персонал и врачей. Непосредственно до самих больных руки ее как-то не доходили и в отделении, отгороженном от кабинета тяжелой дверью, Раиса Петровна к счастью почти не появлялась. Основополагающим принципом успешного лечения она считала дисциплину, нарушения которой карались нещадно. С персоналом заведующая была груба, с врачами держалась запанибрата, а Лизу откровенно презирала, относя ее к чему-то промежуточному между пациентом и стажером, с которого и взять то нечего. Периодически ей ставили на вид, что «больные – это вам не здоровые, и нечего с ними цацкаться», а Лиза бесхарактерно трясла головой и пряталась

подальше в отделении, где втихаря продолжала жалеть и опекать этих обездоленных людей.

Как любил повторять горький пьяница доктор Васенька: «Эх, не интересный у нас контингент!» Однако, Лизе было все же интересно, и по какой-то марсианской наивности она упорствовала в поисках ключей к подслеповатым душам своих убогих, всеми забытых пациентов. В самом деле, чудачка, какой дальше может быть разговор, когда черным по белому на титульном листе истории болезни, да что там, на листе, на лбу написано: «Шизофрения».

Ничего, Лизавета Дмитриевна. Это все от молодости. Со временем пройдет, – сочувственно вздыхал доктор Васенька, глядя на то, как Лиза проводит вечера в беседах с безнадежными в общем то больными. Вздыхал и вяленько так пытался втолковать, что смысла в возне этой никакого, только Раису лишний раз раздражать. Донкихотство какое-то получается, а во имя чего? Как говорится, ни славы, ни денег.

Вот взять, к примеру, Глухова с диагнозом – аутизм. То есть еще с раннего детства ушел Глухов в свою скорлупу и чем дальше, тем глубже. И сколько его повторно не госпитализируй, сколько с ним бесед не веدي, сколько консилиумов за деньги не собирай, все абсолютно бестолку. И смотрит вроде на тебя, а взор повернут, куда то вглубь, наизнанку, а что там внутри – никому узнать не дано, да и не надо, и оставьте вы его в покое. Или вот Варфаламеев. Махровый бредовой больной. Травят его, видишь ли, соседи какими-то

там ядовитыми газами. Ну травят, так травят. Ты ему ами-назина побольше назначь, чтоб не приставал, и дело в шля-пе. Не понимаю я вас Лизавета Дмитриевна. Молодая ведь дамочка, красивая, при муже. Заняться что ли нечем?

И самое паршивое, что была в Васенькиных словах прав-да, но что-то все-таки мешало Лизе взять и махнуть рукой на одеревеневших от препаратов, угрюмых своих подопечных, ждущих от нее если не помощи, то хотя бы защиты от Ва-сенькиной безалаберности, Раисиной жестокости, грубости нянек, воровства буфетчиц и всей этой страшной жизни, в которую погрузила их беспощадная болезнь...

Трудно, ох как трудно приходилось Лизе в жизни с ее за-стенчивым и деликатным характером. Кто только не норо-вил сесть ей на шею. И все-то было неудобно, все неловко, совестно. Как указать нахалу на его место? Можно ли на-помнить человеку, который взял денег в долг, а отдавать не торопится? Сказать в магазине: «Ну-ка, пересчитайте-ка и взвесьте еще раз!», или уж Бог с ним? Вступать в конфлик-ты она робела, защитить себя не решалась. Может быть, ви-ною тому был отец, который воспитывал Лизу не просто в строгости. В маленькой семье Усольцевых царила обстанов-ка тирании и деспотизма.

Лизин отец – профессор кафедры душевных болезней Дмитрий Платонович Усольцев характер имел замкнутый и жесткий, и лишь в больничной палате, постигая недуги

своих пациентов, он раскрывался как человек совсем иного свойства. С институтскими коллегами профессор был нестрог и требователен, однако сотоварищи прощали его нрав, потому как, прежде всего, ценили в Усольцеве вдохновенного педагога и незаурядно талантливого доктора.

Увлеченный с детства науками естественными, другого пути, кроме как в медицину Дмитрий Платонович не мыслил. Однако уже на начальных курсах его интерес к болезням телесным преломлялся лишь сквозь призму их взаимосвязи с хворями душевными, а сама психиатрия виделась большим, чем просто медицинская дисциплина, то есть стояла выше обыкновенной, свойственной любой науке системы понятий. Дмитрий Платонович сумел разглядеть здесь и философию, и искусство, и таинство, а его клиническая интуиция открыла перед вчерашним студентом заветную дверь. Работы Усольцева всегда были нестандартны, а подход к больному основывался на том принципе, что любая личность нетипична, в каждой кроется непознаваемое. Трудолюбие его было неистощимо. В бытность ординатором он проводил в клинике дни и ночи, добровольно принимая на себя не только докторские обязанности, но и роль сестры и даже сиделки. Это позволяло будущему профессору понять и осмыслить то многое, на что у других докторов уходили годы. В ошеломляюще короткий срок Усольцев проделал путь от ординатора до доцента, а к тридцати семи годам был утвержден в звании профессора. И взлет этот был настолько естественен, что да-

же самым низким кафедральным интриганам не приходило в голову ставить Дмитрию Платоновичу палки в колеса.

Однако, чем выше поднимался его авторитет в клинике, тем нестерпимее становилась обстановка в доме. Молоденькая Анна Аркадьевна никак не могла сжиться с колючей натурой мужа, который искренне не понимал, по какому поводу она ежедневно рыдает, зачем хлопает дверями и колотит чашки. С будущей женою сорокалетний профессор познакомился на институтском вечере, да и громко сказано – «познакомился». Веселый толстяк – доцент Казанцев представил его как «гения», «светило», «надежду отечественной психиатрии»; дальше же хрупкая Анечка взяла инициативу в свои руки. Вплоть до рождения Лизы в семье все было, как говорят не шатко не валко (хотя Анна Аркадьевна и таскала мужа по магазинам, зная, что он этого терпеть не может, а также отвлекала его глупыми разговорами от важных размышлений). Но уже с появлением дочери (казалось бы), в квартире на Староконюшенном переулке воцарился настоящий ад. «Истерическая конституция» – вздыхал Дмитрий Платонович, запираясь в своем кабинете...

Лиза так и не успела, как следует запомнить мать, укатившую в конечном итоге с почитателем своего довольно слабенького вокала прочь из Москвы. Отцу она оставила полное заслуженных упреков письмо, а Лизе предназначила тонюсенькое колечко с блестящей алмазной слезинкой, которое ребенок по малолетству тотчас отправил себе за щеку. Раз-

гневанный профессор извлек кольцо, покопавшись костлявым пальцем в атласных недрах детского рта, и раздраженно швырнул находку за окно, чем вызвал молчаливое осуждение няньки.

– Дали ребенку дрянь какую-то... – Уже на ходу ворчал Дмитрий Платонович. Долгие разговоры с домашними в его привычку не входили.

По мере взросления Лиза все больше тянулась к отцу, который в любом детском порыве усматривал корыстолюбие и эгоизм.

– Ты, Лизка, во всем, как твоя беспутная мать. Я это сумею искоренить, – хмурился отец по любому поводу.

Непревзойденный воспитатель студентов, он калечил детскую душу, «искореняя» непосредственность и культивируя робость и застенчивость. «Твои рисунки нехороши... На празднике ты танцевала неуклюже... Не смей красоваться перед зеркалом, ты не увидишь там ничего хорошего, займись лучше чтением».

В школе Лиза была первой ученицей своего класса, но и здесь она не дождалась похвалы. «Эти оценки ничего не стоят. Посмотрим, как ты будешь учиться, когда начнется физика...»

Из года в год характер Дмитрия Платоновича становился все хуже и хуже. Привычная его раздражительность сменилась страшной, непредсказуемой гневливостью. Аккуратность превратилась в болезненный педантизм, на смену бе-

режливости пришла неутолимая жадность. В старших классах, когда девочки уже превратились в барышень, а желание нравиться и хорошо выглядеть является естественным, Лиза donaшивала обноски, которые ей подбрасывали сердобольные родственники и соседи. Дмитрий Платонович же собирал обмылки (из нескольких можно сделать один полноценный кусок), заставлял дочь стирать полиэтиленовые пакеты и щеголял в пиджаке, купленном на одну из первых профессорских зарплат. Большая квартира в Староконюшенном переулке, которая только недавно превратилась из коммуналки в отдельное жилье была продана, и куплено нечто напоминающее коробку из-под обуви в панельном доме одного из «спальных» районов Москвы. Разницу профессор хранил в банке, не потратив из этой, значительной, в общем-то суммы ни единой копейки. Но это было еще полбеды. Больше всего Лиза страдала от проявлений отцовского самодурства. Зная, например, что дочь собирается на день рождения, мог остановить ее на самом пороге и заставить разучивать наизусть несколько страниц скучнейшей какой-нибудь прозы, мог выбросить редкие билеты в театр, прогнать подруг, которые и без того не часто приходили в дом Усольцевых. Лиза не смела перечить отцу и, все что ей оставалось – это плакать в подушку. Жаловаться было некому, делиться горестями не с кем. Единственным Лизиным другом был одноклассник Мишка Неделин, который и сам многое видел и понимал. Но «выносить сор из избы» Лиза не стала бы никогда. И

потом авторитет отца несмотря ни на какие передрыгания остался для нее непререкаемым, ведь он был гений от медицины и герой, воспитавший ее один без матери.

...Первокурсница медицинского института Усольцева Елизавета резко отличалась от своих подруг, но не только скромностью наряда – на потоке хватало студентов из небогатых семей, как хватало и зубрил, вечно занимающих в аудитории первые ряды и поедающих преподавателей глазами. Лиза училась прекрасно, она было лучшей студенткой, но к «ботаникам» ее было отнести нельзя. Главным Лизиним отличием была ее неординарная красота. Не просто смазливенькая мордашка и точеная фигурка, а красота веская, гордая, благородная. Самодостаточная красота из той породы, что не нуждается в ретуши макияжа или рамочки из дорогих тряпок. Дымчатым глазам хватало тени от пушистых ресниц, матовость кожи подчеркивал медный блеск волос, а прямая линия носа находилась в гармонии с плавными линиями скул. От Лизы трудно было отвести взор, но девушка была более чем далека от самолюбования. Более того, вечная неуверенность в себе то тут, то там ставила ей палки в колеса. Потому, быть может в тот период, когда все девушки обзаводятся поклонниками, Лиза так и добиралась до дому в одиночестве и только лучший школьный друг – Мишка Неделин интересовался ее удачами и промахами да приносил к праздникам маленькие смешные подарки. Только вот навестить Лизу дома он возможности не имел, потому как

Дмитрий Платонович раз и навсегда запретил дочери иметь дело с этим «плебеем и оборванцем».

С первого же года своей институтской жизни Лиза принялась зарабатывать собственные деньги. Сперва, таская судна и намывая километровый коридор института Склифосовского, а после уже подрабатывая медицинской сестрой в детском отделении психиатрической больницы.

– Какая-то ты неправильная профессорская дочка, – шутил Мишка, слушая ее рассказы о ночных дежурствах, о хлопотах возле маленьких пациентов, о выходных днях, проведенных не на катке в веселой компании, а среди тех, кому с самого детства на роду было написано быть несчастными.

С годами Лиза сформировалась в рассеянную, непрактичную идеалистку и мечтательницу, одним словом в чудачку. На первых порах она забавляла, а иной раз даже раздражала окружающих, навсегда оставивших в далеком бесшабашном прошлом коротенькие легкомысленные романы, бескорыстных друзей, восторги да полупьяные споры «о вечном». И никто не заметил, как дожди времени размыли акварели юности, а угрюмые дворники равнодушно сожгли, вместе с осенней листвою, брошенные студенческие конспекты, забавные чьи – то стихи и уже давно не хранимые наивные письма. Подруги активно выходили замуж, ошибались, разводились и спешно повторяли собственные ошибки, постепенно увядая и озлобляясь от вязкого однообразия жизни, безотрадного быта и нелюбви. А тут еще и Лиза под ногами

путається, не вынырнет никак из блаженных своих грез. Вот уж кому легко живется! И если есть настроение, то можно ненадолго снизойти и вполуха послушать ее бредни, а нет, так и нечего церемониться... И она улыбнется потерянно, натянет на ходу уже мальчишью свою курташонку, вечно не попадая с первого раза в рукав, и исчезнет до тех пор, пока снова не позовут, а чей – то преждевременно обрюзгший муж будет курить у окна и с брезгливостью наблюдать, как сутулая фигурка пересекает темный двор, волоча за собой по грязным сугробам кургузую скомканную тень. И откуда только берутся такие странные девушки? Подумают о ней чуток и забудут, ровно до той поры пока не возникнет очередная докука. Известное дело, Лиза ведь с причудами, она тотчас примчится и не откажет ни в чем. И чужую маму из больницы заберет, и собачку на время приютит, и ребенка понянчит. Причем, по возвращении измотанных увеселениями родителей, сразу заспешит домой, несмотря на то, что метро уже час как закрыто, но стоит ли об этом беспокоиться. Взрослый человек, сама знает, что делает. Некрасиво немножко, но, в общем то, удобно. Денег в долг? – Пожалуйста, возьмите, возьмите вернете когда-нибудь, мне не к спеху... Да еще и с таким выражением, будто извиняется за скудные свои возможности. Ну, скажите честно, как тут не злиться? А она, чутко улавливая неприязнь, захлебывается чувством вины, отчего ведет себя еще более суетно и бестолково, вовсе не к месту бормочет извечное свое «спасибо»

и стремится поскорее исчезнуть, наспех изобретая оправдание собственным обидчикам. Пусть лучше считают, словно она опять ничего не заметила, а иначе почему-то нестерпимо совестно.

Посвятить себя психиатрии Лиза решила уже давно, ориентируясь на авторитет отца, а проникнувшись скорбным духом детского отделения, где несчастные маленькие пациенты жили только ожиданием ее появления, утвердилась в своем выборе.

«Тут порядок нужен, а не Андерсен, а то потом разбушуются, аминазина не напасешься, – сетовали няньки. – А то, что же это, по головке гладит, из дому яблоки тащит, а они ей “мама, мама” и сопли прямо об халат. Ясно, что дети отказные, но чего нюни-то распускать. Правильно ей врачи песочат, что тут, мол, детская психиатрия, а не иностранная санатория. Своих надо рожать, а не с этими уродами молодость тратить. Не пойму я ее, чудная какая-то. Ну, ладно, хоть тишина ... Сколько там изнаночных петель-то?»

А Лиза, фанатично возилась с каждым, пылко доказывая, что дети просто запущены, что если не любого, то хотя бы часть она отвоюет от психиатрии, дурманящего лечения и клейма на всю жизнь. Сколько он пробудет в отделении три месяца, полгода? Да за это время можно из интернатовского Маугли сделать среднего, обыкновенного мальчишку, а иначе, зачем вообще здесь находятся эти дети...

...На пятом курсе Лиза осиротела окончательно. Злопо-

лучный дефолт доконал немолодого уже профессора, который и в лучшие то времена не очень доверял банкам и страшно беспокоился за свои сбережения. Когда грянул кризис, Усольцев два дня просидел перед экраном старенького телевизора, а на утро уже не смог подняться. Лиза отвезла его в больницу и, в тот же день ее отца не стало. Вскрытие показало острое нарушение мозгового кровообращения.

В день похорон разыгралась страшная гроза. Казалось, что истосковавшееся по дождю небо, играет мощными упругими струями, швыряя их безо всякого порядка на крыши домов, тротуары, спины прохожих. Асфальтового цвета тучи исторгали из себя целые океаны воды, а тугой необузданный ветер выворачивал зонты и крушил ветки деревьев. Лизе же казалось, что не ненастье это, а последний гнев Дмитрия Платоновича. Гнев на то, что и гроб то нести некому, кроме «плебея» Миши Неделина, парочки родственников и кладбищенских ханыг. Гнев на кафедральных сотрудников, которые не захотели пачкать обувь на кладбище, а прислали лишь никчемный венок, гнев на дочь, что разменяла на похоронные пустяки неприкосновенную сумму...

Лиза плохо запомнила события того печального дня. Мокрая глина, собственный плач, поминки, на которых собрались в основном жители их панельной пятиэтажки – любители дармовой выпивки и присутствие Мишки – единственного товарища и бесценного друга, который после всей этой муки остался рядом, укутал ее в старенький плед и всю ночь

просидел на кухне думая только одному ему ведомую думу...

После смерти отца в Лизиной жизни все пошло наперекосяк. Видимо образовалось много лишней свободы, пользоваться которой она еще не научилась. Деньги, за которые так переживал Михаил Платонович, не пропали, и сумма по Лизиним представлениям была настолько огромной, что ее могло бы хватить на долгие годы безбедной жизни. Однако, стоило ей спланировать хоть какую-нибудь, пусть даже самую необходимую покупку призрак отца, появлявшийся неведомо откуда будто ударял по рукам. В то же самое время, у Лизы появились подруги, которые словно почуяли возможность разжиться и то и дело просили в долг ту или иную кругленькую сумму. Отказывать людям Лиза не умела, а возвращать деньги никто не торопился.

Холодильник опустел – варить супы и даже просто чистить картошку для себя одной Лизе казалось нелепым. Крыны текли, дешевенький паркет рассыпался на глазах, допотопный телевизор показывал одни лишь туманные картины. Раньше бытовая сторона жизни лежала на отце, потому как Лиза была слишком занята. После институтских занятий и сестринских подработок времени не оставалось вообще. Заботливый Мишка настоял на том, чтобы сделать в квартире ремонт, благо деньги были, но вот мастера попались Лизе совсем никудышные. Спали они всласть, работать начинали не раньше, чем с полудня, а дальше, помахав малярной кистью

часок, усаживались обедать, причем непременно с водкой. Лиза прекрасно понимала, что наняла она бездельников и воров, которые неизвестно куда девают купленные Мишкой обои и краску, только вот никак не решалась вытолкать их из квартиры взашей. В конце концов, за дело взялся Неделин. Уволив так называемую бригаду, он в одиночку побелил потолки и оклеил стены, но в силу отсутствия умения и опыта сделал все вкривь и вкось. И очень унылыми были Лизины бесконечные вечера в неудобной и пустой квартире. Тогда-то в ее жизни и появилась Лика – разбитная девчонка с рабочей окраины.

Лика, а если точнее – Тоська Зуева переехала в безрадостный этот московский район из провинциального городка. Там, в пропахшем помоями бараке осталась ее измочаленная жизнью мать и вечно голодные, покрытые коростами ссадин младшие братья, о которых Тоська, освоившая чистую профессию парикмахера постаралась поскорее забыть. Убогая квартирнка по соседству с Усольцевыми, новое, почти заграничное имя и целый куль польской косметики, которой она щедро раскрашивала крепкое и крупное свое лицо, служили основой Ликиного счастья. И в самом деле, чего еще может пожелать интересная молодая женщина? В Москве она обреталась уже больше десяти лет, успела побывать замужем (правда совсем недолго), обзавестись пропиской, а также дочерью Кристиной (модное шикарное имя) и никакими провинциальными комплексами не страда-

ла. Потому познакомившись с Усольцевыми, сразу взялась опекать и наставлять Лизу – «жутко одетую красотку», которая была младше ее самой чуть ли не на десять лет. «Старый перечник» Дмитрий Платонович Лику не одобрял, зато, когда он «врезал дуба», она стала сиживать на Усольцевской кухне изо дня в день.

Лика была обыкновенной хамкой, но Лизе, как ни странно она нравилась. Лиза и сама не могла понять почему. Наверно все дело было в том, что Лика, не требуя от жизни чрезмерного, умела обрадоваться пустяку, на неприятности смотрела сквозь пальцы и могла искренне веселиться по любому пустяшному поводу. Улыбка вообще редко сходила с ее лица, наверно поэтому беспардонные соседкины визиты Лизу не раздражали, а напротив отвлекали от тяжелых мыслей о навсегда ушедшем отце и собственном одиночестве.

– Тебе, подруга, замуж пора. А то, гляди, упустишь свое за книжками-то за этими, – неустанно повторяла Лика. – Я вот тоже замуж собираюсь. Уеду куда-нибудь в центр, кто тебя тогда будет жизни учить?

– В самом деле, Ликуша? Что же ты не рассказываешь. Кто он? Когда вы познакомились?

– Ну мы еще, предположим не познакомились, но дело на мази. Мне тут наша маникюрша Ирочка, ну ты ее знаешь, подкинула такую идею, просто блеск. Значит так – встанешь на обочине, ну не у нас, конечно, а лучше где-нибудь на Тверской и голосуешь. Если останавливается помойная тач-

ка говорить нужно: «Мне в Шереметьево за три рубля». Это чтоб лох, который за рулем сразу, без базара уехал, а если ты видишь тачка – супер, мужик тоже что надо, то просишь подкинуть до Пушки.

– Так подвезет, а дальше то что? – недоумевала наивная Лиза.

– Что, что... Пока едете, ты ему: «Ля- ля, три рубля», ну там разные тополя. Юбочка мини, глазки и все такое. Если уж совсем козел попадется, или просто водила, который решил подбомбить, то заплатишь. Ехать недалеко, значит цена копеечная, ну а нормальный кадр сразу и телефончик возьмет, и на ужин пригласит. Я так уже с тремя познакомилась.

– Ну и как, позвонили?

– Ну, нет пока, наверно занятые очень. Это же бизнесмены, – нимало не смущалась Лика.

Внутри себя Лиза потешалась над всеми этими соседкиными рецептами, однако по иронии судьбы будущего своего мужа повстречала именно в салоне роскошной иномарки, которую остановила в сильный ливень, чтобы добраться до метро.

Богдан был упорен в достижении цели, если не сказать нахрапист, простоват и не слишком образован. Из чтения он предпочитал глянцевого мужские журналы, на первое апреля из года в год шутил с окружающими в стиле «А у вас вся спина белая» и неправильно ставил ударения в словах, однако это, естественно, не помешало ему открыть собственное

дело и более чем успешно торговать чем-то вполне законным. К тридцати годам из полудеревенского детины Богдан превратился в лощеного и представительного коммерсанта, единственной проблемой которого было отсутствие достойной супруги. К великому удивлению для себя он открыл, что познакомиться с приличной девушкой – это проблема гораздо более сложная, чем выбрать подходящий автомобиль или даже недвижимость где-то в Испании. Рестораны, где он с удовольствием проводил время, были заполнены дамами определенного свойства, раскрашенные шлюшки, украшающие банкеты и презентации тоже в расчет не принимались, а так называемые «бизнес-леди», с которыми он сталкивался в ситуациях делового партнерства оказывались слишком расчётливы и жестки. Потому, стоящая под проливным дождем очаровательная девушка с растерянными глазами и влажными волосами показалась ему подарком свыше. Когда она оказалась на пассажирском сидении, Богдан решительно рванул с места, но он не просто гнал свой автомобиль вдоль улицы, он увозил Лизу в совсем иную жизнь...

Ухаживания его отличались неотступным упорством. Лизины комнаты стали напоминать цветочный магазин, на книжных полках поселились дорогие безделушки, а через неделю в квартиру явилась бригада аккуратно одетых людей, которые без лишних разговоров приступили к ремонтным работам.

– Чем ты, дура, дура недовольна. Совесть у тебя есть? Вы-

тянула выигрышный лотерейный билет и еще у нее хватает наглости ходить с кислой миною, – горячилась Лика. Пилка для ногтей ходила в ее пальцах со скоростью циркулярной пилы. – Да ты должна держаться за этого мужика руками и ногами...

Но Лизе держаться почему-то не хотелось, хотя и прогнать Богдана было как-то неловко. Ведь этот человек действительно старался превратить ее жизнь в сказку, только вот хочет ли она быть его принцессой, Богдан почему-то не спросил. И потом он так ужасно говорил о любви, будто гвозди заколачивал...

Посоветоваться было не с кем. Лика причитала одно свое: «Не упusti, не упusti, кому ты еще будешь в жизни нужна», а Мишка почему-то стал ее избегать. Его ежевечерние, уже ставшие традицией звонки прекратились, совместные воскресные прогулки тоже. Мишка сумбурно бормотал о какой-то новой работе, неожиданно появившихся делах и проблемах, которые необходимо срочно решить. Лизе начало казаться, что она стала Неделину чем-то неприятна. Для выяснения отношений она приехала к Мишке на Арбат и застала в его квартире страшный бедлам: комканые газеты, мусор и хлам, пустые бутылки, тарелки с присохшими обедками и окурками – все это было набросано и наставлено повсюду. Заросший Мишка с отечным лицом нетрезво доказывал что-то незнакомому парню с сальными волосами. Мишка был не просто раздражен, он пребывал в ярости. Увидев на пороге

комнаты Лизу, он вздрогнул, замолчав на мгновение, а после уже заорал:

– А вот и госпожа дрянь явилась. А ну пошла вон из моего дома, чтоб я тебя тут никогда больше не видел...

...Ночевать Лиза домой не пришла – до самого утра она бродила по улицам. Ошалевшая от тревоги Ли́ка обзвонила все морги и больницы, предприимчивый Богдан поставил на ноги милицию. К тому часу, когда Лиза вошла во двор собственного дома, утреннее небо уже очистилось от предрасветной дымки. Перед подъездом сверкал в солнечных лучах знакомый автомобиль, из которого вышел усталый человек. Он распахнул навстречу Лизе объятия и не сказал ни слова. В тот самый день она согласилась стать его женой.

...Ни единого дня Лиза не была счастлива в браке. Бескрайняя по своим размерам квартира, исполненная по проекту модного архитектора, казалась ей чужой и неуютной. Она совершенно искренне не понимала восторгов Ли́ки, которая моталась к ней в гости теперь уже через всю Москву.

– Слушай, мать. Когда твой в командировку умотает, я тут ночевать останусь. В джакузи покисну, на кровати под балдахином поваляюсь. Ты, кстати, когда работу бросишь? Жены «новых русских» никогда не работают, я в кино видела. Так что давай, соответствуй, а то таскаешься по электричкам ради каких-то психов. Я девкам своим рассказала, так никто не поверил... Ох, Лизон, хорошо же ты устроилась! – Щебе-

тать подобным образом Лика могла часами.

А Лиза в ответ только вымученно улыбалась. Удачными она считала лишь те дни, когда ей выпадало ночное дежурство, а все прочие вечера, проведенные вместе с Богданом, она считала потерянными. Говорить молодым супругам было вообще не о чем, и выяснилось это буквально тотчас после свадьбы, устроенной в одном из самых дорогих Московских ресторанов. Лизино платье обошлось ценою в три ее годовые зарплаты, а обручальное кольцо украсил бриллиант величиной с небольшое яичко. Богдан так стремился перещеголять какого-то таинственного Будкевича, что довел до изнеможения референта, на которого была возложена обязанность организатора свадьбы.

– Церковь для венчания тоже надо найти попрестижнее, – отдавал он распоряжения, – если будет не так понтово, как у Будкевича – вылетишь с работы.

– Может, ты еще и золота побольше на алтарь закажешь, – решила съязвить Лиза.

– Надо будет – закажу, – кратко ответил Богдан.

Искренне на свадьбе веселилась одна только Лика. Она плясала до изнеможения и истошно орала «Горько». Юбка ее была до того коротка, что напоминала широкий пояс. Вытравленные перекисью кудри метались под грохот музыки. В конечном итоге она умудрилась сломать высоченный свой каблук, но и это пошло ей на пользу – один из гостей вызвался доставить Лику до дома на «обалденной тачке».

...В Венеции, куда молодые отправились сразу после банкета Богдан затаскал Лизу по магазинам и ресторанам. В Москву она возвратилась измученной, но пытка продолжилась и дома.

Что ни вечер, Богдан собирал в новой квартире товарищей и соперников, партнеров и конкурентов. Красивый дом и жена под стать интерьеру стали его настоящей гордостью, а Лиза должна была улыбаться всем этим людям, которые были ей не ближе, чем инопланетяне. На подобных вечеринках мужчины говорили о делах, женщины – о тряпках и курортах. Тот факт, что Лиза продолжала работать, да еще в таком странном месте гостей обескураживал.

– Бросай, блин, эту свою работу. Не позорь меня перед людьми, – с этой фразы Богдан обычно начинал заводить, – баба должна дома сидеть и детей рожать, а не болтаться целыми днями непонятно где. Ну чего тебе в жизни не достает? Скажи, я куплю...

Лиза конечно могла бы сказать, что не достает ей счастья, которое не купишь в бутике и не закажешь по каталогу, и последней отдушиной для нее является интересная работа, но зачем говорить, ведь Богдан все равно не поймет, а лишь разозлится, потому что беседовали они на разных языках.

Свою маленькую квартирку и нелегкую жизнь с отцом она вспоминала с ностальгией и нежностью. Но больше всего Лизе не хватало прежней дружбы с Мишкой Неделиным – единственным человеком, который смог бы понять причину ее

настоящих страданий...

Вербицкий появился в отделении ранней весной. Лиза ненавидела это время года. Мутное молоко мартовского неба навредило на нее хандру. В городе автомобили растаскивали по дорогам грязь, и мутная жижа тяжело плюхалась на оплывающие ноздреватые сугробы. Ежедневно Лиза преодолевала привычный путь от станции, где озябшие, старухи раскладывали на шатких ящиках клюкву, буро-пятнистые яблоки и вязаные носки, а сверху тяжело падал мокрый снег, тотчас тая на пуховых платках и мутных пакетах с квашеной капустой. Она шла по расплывшейся и скользкой, залитой талой водой дороге среди деревьев, что уже почти очнулись после зимы, а порывы промозглого ветра пугали крикливых черных птиц, тревожно кружащих под грязной ватой мартовских облаков. Лизе казалось, что больничные корпуса среди весенней хмари выглядят еще более печально. В такие дни на нее обычно наваливалась чугунная тоска, топчущая тяжеленными своими сапожищами сердце и душу. Вечерами Лиза мечтала лишь об одном – никогда больше не просыпаться, истаять, исчезнуть по ту сторону снов, однако малокровное утро стучалось в окно и все снова катилось по заезженному кругу.

...Это утро для Лизы началось с нового, непривычного ощущения. Пробудилась она будто бы оттого, что невидимая волна предчувствия накрыла ее с головой и наполнила душу

густой и терпкой радостью. Сперва чувство это было мало определенным, но с каждой минутой оно оформлялось все яснее. Лизе хотелось как можно скорее выскочить на улицу из роскошного своего заточения, ведь она знала наверняка, что где-то там, за домашними стенами ее ожидает счастье...

Утренняя конференция затянулась. Раиса Петровна зачитывала по бумажке очередной циркуляр, касающийся больничных порядков – свежее новшество от которого, как водится, будут страдать и пациенты, и персонал. На особо значимых местах заведующая наклоняла голову и посматривала на собравшихся исподлобья, второй подбородок ее складывался во множество валиков, и Лизе было смешно. Доктор Васенька, мечтающий о бутылочке пива, подобострастно тряс головой, доктор Иван Павлович угрюмо смотрел под стол.

– Конференция окончена, – подытожила Раиса, – а вы, Елизавета Дмитриевна, вместо того, чтобы улыбаться поторопились бы лучше к новому больному. Тяжелый, кстати говоря, пациент. Так что постарайтесь без этих ваших штучек. Поменьше разговоров – побольше нейролептиков. Все. – И швырнула Лизе через стол тоненькую историю болезни.

«Вербицкий Леонид Алексеевич, сорок пять лет. Профессия – художник. Диагноз – депрессивное состояние» – прочла Лиза на титульном листе.

– Томочка, пригласите, пожалуйста, Вербицкого, – обратилась она к медсестре, плотненькой, как туго набитый ме-

шочек блондиночке.

– Ой, Елизавета Дмитриевна, он не пойдет. Он вообще никуда не ходит, ни в столовую, ни гулять, только сидит весь день в кресле. Там – в холле. Вы может, сами к нему подойдете, а я всех больных по палатам разведу, так что вам никто не помешает, – и Томочка заспешила в отделение, потешно подпрыгивая при каждом следующем шаге, а Лиза никак не могла собраться, чтобы приступить к беседе с больным. Безотчетная тревога колотилась в груди пойманной рыбой, будто сама судьба ожидала ее в полутемном холле, а не пациент Вербицкий – депрессивный художник сорока пяти лет...

В холле было холодно. Знобкий мартовский ветер просачивался сквозь щели не заклеенных рам и гулял лихим сквозняком по унылым больничным коридорам, но худой человек в обтрепанной больничной пижаме всего этого будто не замечал. Его взгляд был устремлен вдаль, к расплывшемуся в белесом тумане весеннему пейзажу. Он сидел, не шевелясь, и только изредка сбрасывал со лба непослушные острые пряди волос, что мешали ему смотреть на спящий парк и далекое поле. Человек был не молод, однако в его движениях и позе было нечто мальчишеское.

– Леонид Алексеевич, нам необходимо побеседовать, – окликнула его Елизавета Дмитриевна, но когда тот обратился к ней свое лицо, все докторские слова, что обычно говорятся каждому из больных, почему-то показались ей глупыми и неуместными.

Его глаза казались непомерно большими на изнуренном болезнью лице, но более всего потряс Лизу сам взгляд. Она успела повидать в своей жизни немало безрадостных и скорбных лиц, однако не предполагала встретить печаль такого оттенка. И потом, его взор сразу показался ей давно знакомым, будто она уже успела не только сродниться с этим омутом, но и истосковаться по его глубине. Он смотрел на Лизу молча, а она замерла и никак не могла насытиться этим взором, не замечая того, что неподалеку бродят больные, а озадаченная сестра Томочка уставилась на нее во все глаза.

– Это что такое, интересно, – трясла студнем щек Раиса Петровна, – новая форма психотерапии? Гляделки называются. Ты Вася выясни, а потом доложишь.

– Не вопрос, доложу в лучшем виде, – суетился пьяница-доктор. После смерти матери – единственного близкого человека, Васенька совсем опустился. Волосы его болтались сальными сосульками, халат имел буроватый оттенок, брюки были коротки, а носки болтались ниже щиколоток, обнажая полосы белой волосатой кожи. Раиса поглядывала на Васенькины ноги с отвращением.

Лиза понимала, что так вот стоять и молчать было уже неприлично, но только ноги ее почему-то одеревенели, застыв на одном месте, руки, опущенные в карманы халата, сжались в кулаки, а губы были готовы прошептать что-то совсем уже не врачебное.

– Елизавета Дмитриевна, у вас все в порядке? – прозвучал

над ухом чей-то голос.

Обернувшись, Лиза увидела Ивана Павловича, странно смотревшего на нее.

– Спасибо, все хорошо. Все очень хорошо, – и Лиза двинулась в сторону кабинета.

«Я проговорю с ним позже. А потом еще завтра, и послезавтра... Я буду говорить с ним всегда, всю жизнь и у художника никогда не будет больше таких печальных глаз, потому что он станет счастливым...» Весь остаток дня Елизавета Дмитриевна напевала, вызывая недоумение сотрудников и раздражение заведующей. Причину этого пения смог понять лишь один человек – чуткий Иван Павлович, другие же только пожимали плечами...

...Не заметить перемену, произошедшую с Елизаветой Дмитриевной, мог только совсем уже толстокожий дундук. Казалось, что лучи янтарного света, что зажегся в ее душе, пробиваются наружу, озаряя своим нежным сиянием и медовые глаза, и милые черты лица, и теплый блеск волос. Давно забытая улыбка вновь заиграла на ее губах, а первые робкие морщинки разгладились.

Утро ее начиналось с посещения Вербицкого, день представлялся чередой досадных помех на пути к нему, вечером они снова усаживались друг напротив друга... И так до поздней темноты, до самой последней электрички, и бесценны были эти мартовские вечера.

Расспрашивать Вербицкого о самочувствии и здоровье

Лиза не хотела и не могла, а он и не стал бы рассказывать. Положение психически больного, синяя сатиновая пижама и обязательный для всех режим дня унижали художника, и Лиза это прекрасно понимала. Потому, наверно, молчания было достаточно для обоих, и любое произнесенное вслух слово могло разрушить этот безмолвный диалог.

Больничное отделение, особенно если оно запирается на замок, становится сродни семье, где все сразу заметно, все на виду.

– Да что она, с ума спятила, Раиса уже рвет и мечет, – интриговал Васенька, – обрати внимание, как она краснеет, когда сестры о нем докладывают. Просто маков цвет какой-то.

– Я вчера нарочно засекала, три часа они сидели, – с наслаждением сплетничала Фарида Мусиновна. От удовольствия ее сросшиеся брови ходили ходуном. – А вот как муж узнает, что тогда?

Лиза равнодушно относилась к злословию и пересудам, только единственный раз, когда Раиса пригрозила ей тем, что передаст Вербицкого другому врачу она расплакалась. В ординаторской было пусто, один только дежурный Иван Павлович пил чай из потемневшей кружки.

– Скажи, Ванечка, что им всем от меня надо? – по-детски всхлипывала Лиза.

– Не знаю, Елизавета Дмитриевна, наверно они хотят заполнить пустоту своей жизни вашими событиями.

– Его отдадут Васеньке, и он залечит Вербицкого, превра-

тит его в безвольное, бессмысленное существо. Посоветуй, прошу, здесь ведь ты один меня не осуждаешь.

Иван Павлович пристально смотрел на Лизу.

– Не знаю, смею ли я давать вам советы, но остановитесь и подумайте. Остановитесь и вспомните мою историю, – и тут же заторопился, отыскал, суетясь какую-то папку, и уже в дверях произнес, – простите, Елизавета Дмитриевна, если я позволил себе сказать что-то лишнее...

...Ее звали Анна, но имя это со временем потерялось, потому, как она была настоящая городская сумасшедшая. Чем городские сумасшедшие отличаются, например, от деревенских дурачков с клинической точки зрения неясно. Наверно только географией проживания. Но вот она как раз жила в городе, в Москве. Здесь таких много, и все они похожи друг на друга. Она, как и многие сумасшедшие, надевала на себя сразу всю одежду (может быть, чтоб не таскать), перекидывала через плечо два связанных между собою баула, набитых Бог знает чем, вплетала в волосы какие-то тряпичные лоскутья, красила линючими фантиками губы и сосредоточенно копошилась в помойных баках, только в отличие от своих собратьев она бережно, двумя руками носила повсюду с собой спеленатый сверток и что-то нежно ему напевала. Однажды патрульный милиционер, проявив бдительность, заинтересовался ситуацией, но, брезгливо откинув двумя пальцами с лица младенца уголок несвежей пеленки, он отпря-

нул, встретившись с немигающими глазами целлулоидного пупса. А она продолжала бесконечно нянчить свой сверток, напевая ласковым детским голоском совершенно бессвязные слова...

...Его звали Иван Павлович. Он был доцент на кафедре психиатрии. Рано защитил кандидатскую и мог бы пойти еще выше, но жизнь распорядилась иначе. Он не мог часами просиживать в библиотеках, быть завсегдатаем научных обществ и конференций. Его академический талант, умноженный на рвение, был в своем роде шедевром, но кроме лекционных часов и курации больных Иван Павлович не находил времени на занятия наукой. Ежедневно он объезжал вокзалы, приюты «Армии спасения» и подобных тому организаций, в отчаянии лазил по чердакам и подвалам, но нигде не мог найти своей жены, вечно сублильной девочки с куклой, завернутой подобно настоящему ребенку в одеяло... А ведь раньше они были счастливы.

Когда-то очень давно, еще в студенческую пору дед передал ему свою комнату. Комната была огромной и нелепой. Видно было что некто, кромсавший в свое время «барскую» квартиру, не очень-то задумывался об эстетике, и комната получилась с окнами на обе стороны и пятью непрямыми углами. Тем не менее, на Ивана она всегда действовала завораживающе и нынче ему не хотелось ничего менять, даже обои, что давно зажелтели и местами отставали от стен. Казалось, что любое внешнее вмешательство спугнет дедов дух, и чу-

десная комната сразу превратится просто в «помещение».

Иван толком не знал, кто застыл на многочисленных коричневатых фотографиях. Ясен был только университетский выпуск, да профессор Ганнушкин, почитаемый дедом более других светил. Мебель в комнате стояла самая разнообразная, от плетеной качалки, до кокетливого канапе начала наполеоновской эпохи, а в большей степени пространство было занято книгами, заселявшими многочисленные стеллажи. Видимо, не уживаясь в тесноте, книги выползали и на стол, и под кровать, и на рояльную деку, и на широченные мраморные подоконники. А Иван сидел среди этого великолепия и чувствовал себя почти царем Соломоном.

Однокурсники быстро пронюхали ситуацию и стали, чуть ли не ежедневно, навещать в чудесную комнату, приглашая своих подруг, их друзей и вообще неизвестно кого, кто даже и не знал хозяина по имени, а Иван сидел в уголке и сонно близоруко улыбаясь, читал. Девуц он чурался, выпить не любил, но его двери всегда были распахнуты для гостей. Так, снискав репутацию милого чудака, Иван был любим практически каждым...

По окончании студенческой поры он пошел по стопам деда – в психиатрию. Протекции составить было некому и, он отправился куда распределили, в маленькую больницу, где занимались «большой» психиатрией, то есть лечили не «пограничные» с болезнью состояния, а пытались помочь тем, кто уже опутан болезнью, как ядовитым плющом.

Иван умел слушать, не делал равнодушного выражения лица и вообще, он был хороший доктор, и пациенты к нему тянулись. В начале ноября в отделении появилась Анна. Она поступала уже не первый раз и всегда в это время года. Ее привозил раздосадованный отчим и забирал, как вещь, через пару месяцев. Анна не хотела общаться с врачами, игнорировала больных, а была способна сутками лежать в одной позе, остановив свой взор на потолке. Возможно, она видела то, что не могли рассмотреть другие, но никогда об этом не рассказывала. В ноябре Анна теряла связь с миром, ее душа словно инкапсулировалась, и раздраженный отчим привозил ее сюда, но девочке это было абсолютно безразлично. На титульном листе истории болезни стоял страшный диагноз, сродни раку души, но Иван не верил. Скорее всего, ему хотелось считать, что его предшественник ошибся, ведь психиатрия – это не математика и все здесь достаточно субъективно. А еще ему очень нравилась Анна.

Когда выпал первый снег и голые ноябрьские ветки вырисовывались на фоне серого неба, Анна подходила к окну и улыбалась тонким сугробам и еще не затоптанным тропинкам больничного сада. У нее была очень хорошая улыбка, и Иван испытывал нежность и желание защитить от всех эту худенькую девочку с мальчишеской стрижкой и серыми, переливчатыми, как внутренняя сторона раковины глазами. Он не верил ее отчиму, не верил в «шизофрению» и мрачные прогнозы. Да, она не такая, как те, что толкаются в авто-

бусах и хамят в очередях, а в ноябре любому человеку хуже, чем в мае. Просто она никому не нужна, и только Ивану есть дело до ее депрессии и замкнутости. Он отберет свою Анну из лап бездушных и пустых людей и сделает ее счастливой.

Как всякий молодой человек, или как большинство влюбленных, он рассуждал, подобно максималисту. И зря расходовал слова старенький профессор Иван Карлович, повидавший за всю свою докторскую жизнь ой как не мало разного, напрасно на правах друга горячился ординатор Митя... Все было напрасно. Иван уже решил, а он был очень упрям, впрочем, и это качество он тоже унаследовал от деда...

Они часами говорили о разном, Анна меньше всего хотела рассказывать о своей прошлой жизни, а Иван не настаивал. Если воспоминания ранят, то нужно поставить на них крест. Он не относился к той категории врачей, что ради сбора анамнеза готовы расковырять больному всю, и без того искалеченную душу. Когда дело дошло до выписки, он в самых высокопарных выражениях посватался к Анне и из клиники привез ее уже в свой дом, что до неприличия обрадовало ее мать и огорчило Ивановых коллег.

К Новому году они нарядили елку. Игрушек не было, и Анна, как маленькая девочка, старательно вырезала из фольги и папиросной бумаги снежинки и звездочки. Работать она не могла, потому как элементарные понятия трудовой дисциплины, были ей недоступны. По дому она тоже ничего не делала, просто не догадывалась, зато к приходу мужа наря-

жалась, накидывая на тощие плечи боа, купленное в театральном магазине на последние деньги.

Иван, будто не врач, не мог налюбоваться на свою девочку, не замечая ни странностей, ни проявлений чуть задремавшей болезни. А приготовить ужин он мог и сам, делал же он это, покуда был холост, да и разве в кастрюльке с ужином притаилось счастье.

Летом они ездили к чистой и широкой реке, купались, ели прохладные персики и жарили на пляже шашлык, который почему-то скрипел песком на зубах, но это не портило настроения, а возможно только прибавляло радости. Вечерами Иван заканчивал диссертацию, а Анна могла часами сидеть рядом, покачивая ногой и размышляя о чем-то своем. Порою она напевала, но разобрать мотив и смысл песни было невозможно, да никто и не пытался.

Лето закончилось, и Иван с некоторым опасением ждал осени, хотя в сентябре у Анны должен был появиться ребенок, а такие серьезные стрессы иногда придавливают психическую болезнь, как клопа и вызывают, научным языком говоря, «стойкую ремиссию».

Мальчик появился так, как и положено всем детям; хорошенько поистрепав мать и оглашая истошным криком родильное отделение. Он был гладкий, толстенький и тяжелый. Как такая хрупенькая Анна умудрилась выносить столь могучего богатыря, было загадкой. У младенца полностью доминировали отцовские гены и Иван, допущенный по праву

коллеги навестить жену и новорожденного, вздохнул с облегчением. Во всяком случае, на сегодняшний день, ребенок выглядел здоровым.

Для того, чтобы на первых порах помочь жене он оформил отпуск и, как заправская нянька хлопотал вокруг пеленок, купаний и своевременных кормлений маленького Ванечки. Он вставал по ночам, а утром, ни свет, ни заря вывозил ребенка на прогулку, чтобы горластый младенец не будил мать. Но отпуск закончился, и Анна осталась на целый день с маленьким Ванечкой одна.

Муж страшно беспокоился, как она справится сама, ежедневно звонил по телефону и разрывался между домом и работой. Периодически на помощь приходила соседка по коммуналке – мосластая, крупная старуха, но помощь ее заключалась преимущественно в магических ритуалах, как-то умывание ребенка через дверную ручку, обкатывание сырым яйцом и все в таком духе. Никому не приходило в голову, что ребенка нужно просто покормить, о чем Анна периодически забывала. В октябре Ванечку окрестили, а потом уже стали носить на все службы. Иван пытался намекнуть, что большое скопление народу, тем более людей пожилых младенцу нежелательно, но мать и слушать не хотела, ссылаясь на благодать и что-то еще приторное, понять которое Иван не мог и не хотел.

Ребенок, конечно же, заболел. Дедов старый приятель-педиатр поставил диагноз: коклюш. Болезнь, конечно, не самая

страшная, но требует ухода. Можно, безусловно, госпитализировать, но большинство справляются сами... Анна от госпитализации категорически отказалась, божилась, что справится сама. Доктор не стал настаивать, хотя молодая мать произвела на него довольно странное впечатление.

Она делала все, как ей велели, но вместо прогулок упорно таскала ребенка в церковь, после чего он заходил в приступках кашля, багровел, и казалось, никогда уже не раздышится.

— Бесы, бесы из него выходят, — бормотала соседка, а мать терялась, впадала в отчаяние и ждала только одного, возвращения из клиники Ивана. А через несколько дней с деревьев обрушились последние бурые листья, посыпал снег с дождем, небо заволокло жестью и, Анна легла на диван, глядя остановившимся взглядом в потолок. Словом, наступил ноябрь...

В данный момент она не хотела, или даже не могла слышать его крик. Ледяной питон проник в ее грудь и старался размозжить душу, а ребенок сперва плакал, потом кашлял долго, до рвоты, а потом вдруг затих. Анна была ему даже благодарна. К тому времени как встревоженный молчащим телефоном Иван вернулся с работы, Ванечка уже начал остывать, а она так и лежала, глядя в потолок... Хоронил он ребенка один. Не хотелось лишних вопросов и вообще, любые слова были бы здесь неуместны. Слишком тяжелой и саднящей была рана. А когда отступил ноябрь он, промол-

чавший с нею ровно месяц, обнаружил в комнате записку: «Гуляю с сыном, вернусь не скоро», а дворовые мальчишки рассказывали, что утром какая-то странная женщина, мелкая, будто пацанка, тащила без коляски спеленатого ребенка, а сама улыбалась и бормотала нечто невнятное, скорее всего, пела...

Все то, что говорил Богдан, резало ухо. От всех этих «бабок», «баксов», «тачек» и «телок» Лиза испытывала внутренний зуд, будто с обратной стороны кожи пересыпается колючий песок, то слипаясь в царапающие комья, по развеиваясь мелкой, саднящей пылью. И если такие же вульгарные словечки в Ликиных устах звучали забавно, то от лексики собственного мужа Лизу просто трясло.

– Слышь, котик, ты че опять такая смурная? Мы сегодня в ресторане ужинаем, или опять забыла, – рот Богдана был набит, артикуляция давалась ему с трудом, – ну не кисни, не кисни, сходи завтра посмотри себе какую-нибудь тряпочку.

Богдан щелкал кнопкою пульта, перелистывая каналы:

– Ну что за хрень такую показывают...

– Выключи, пожалуйста, телевизор, нам нужно поговорить, – Лиза пыталась пробиться сквозь шум.

– Ну, чего опять говорить, все уже говорено – переговорено. Давай, собирайся по-быстрому, по дороге и перетрем.

Лизе пришлось встать между мужем и телевизором. Голос ее вдруг сделался сиплым, на щеках выступили пунцовые пятна.

– Послушай меня, Богдан. Мы должны поговорить сейчас, а в ресторан я не поеду. Я вообще больше с тобой никуда не поеду, потому что мы расстаемся. Ты не виноват ни в чем,

просто мы очень разные люди, и должны существовать отдельно друг от друга. Я ухожу от тебя прямо сегодня, сейчас. Прости меня, пожалуйста, я очень благодарна тебе за все, что ты сделал для меня. Я наверно сейчас говорю банальные вещи, как в какой-нибудь дешевой постановке, но других слов у меня почему-то нет. Так что не обессудь.

– Ну, ни хрена себе, – искренне изумился Богдан, хотя в глубине души он был готов к тому, что проект под названием «женитьба» вот-вот провалится.

Вечером того же дня Лиза переехала на свою прежнюю квартиру. Собиралась она в впопыхах, и все оглядывалась на дверь – боялась, что ворвется муж, устроит сцену. Взяла Лиза тот минимум, который может понадобиться на самое первое время, да и потом, вещи, купленные ей Богданом забирать было как-то некрасиво. Пусть остаются. Из дома она выскочила в легоньком пальто и вдруг почувствовала такую прекрасную, веселую свободу, что казалось сиреневый весенний ветер сейчас поднимет ее над толпою и унесет туда, где всегда хрупкою невестою цветет вишня и стелется соловынная дымка любви...

А в старом ее доме все было по-прежнему – те же книги, истертый плед и плюшевый медведь, привалившийся на диванный валик, и нужно было только завести стенные часы, тиканье которых расставит все на свои места.

Спать она укладывалась с удовольствием, только вот в комнате было что-то слишком прохладно. Она натянула на

себя старую байковую пижаму, изукрашенную полинявшими зайцами, а на ноги натянула пуховые носки. «Осталось надеть перчатки и старую отцовскую ушанку» – подумала Лиза и засмеялась – настроение у нее было отличное. Несмотря на обилие впечатлений, заснула она моментально, но только среди ночи проснулась от холода, и когда попыталась подняться поняла, что не имеет на это сил. Поясницу не просто ломило, казалось, будто бы между позвонками вогнали раскаленный кол, озноб рассыпал по коже своих муравьев, а в легких свистел орган. Сперва Лизе хотелось стащить с вешалки пуховик и укутаться, но на смену ознобу на нее навалился обжигающий жар. Одеяло стало казаться раскаленной плитой, подушка – каменной горячей глыбой. Воздуха не хватало, будто кто-то выкачал его из комнаты, а шум машин за окном был подобен движущейся лавине, которая сейчас сметет ее и перемелет в муку. Привычная картинка качалась перед глазами, но потом в комнате невесть откуда появились гладкие белые шары величиной со шкаф, которые множились, множились, множились...

– ...Нет, ну правильно люди говорят, что все психиатры сами сумасшедшие, – вытянув вперед одну ногу, на Лизиной кровати сидела Лика и озабоченно разглядывала драный на голени чулок. – Вот, блин, скажи, что бы ты делала, не окажись у меня ключей.

– Лика, ты здесь откуда, – прошелестела Лиза, – Расскажи мне все, я что-то совсем ничего не помню.

– Откуда, откуда... От верблюда. Я значит, такая прихожу с Рустиком...

– Прости, а «рустик» – это что такое?

– Рустик это не «что такое», а Руслан – сотрудник крупного банка, пока еще простой охранник, но все впереди. Так вот, значит, привожу его сюда, а то у Кристинки сложный возраст и все такое, он – в комнату, я – на кухню стол соорудить. И тут вдруг крик: «Тут мертвая женщина...» Ну я влезаю и вижу тебя. Вызвали скорую, они говорят – крупозная пневмония, в больницу надо, но я тебя отстояла. Нечего в больнице клопов кормить.

– Да откуда же в больнице клопам взяться, – Лиза еле открывала рот, болтовня подруги ее страшно утомила.

– Ну не клопов, значит тараканов. Врачей-то ты кормить уже не можешь, бывшая жена «нового русского». Кстати, Богдан приезжал. Вещи твои привез и все такое. Поговорили мы с ним по душам. В общем, устал он от тебя. Я что-то не воткнулась на какую тему ты взбрыкнула, поняла только одно – он уже и сам созрел... Нет, ну вот ты мне объясни, какой надо быть идиоткой, чтобы такого мужика не удержать. Трудовой энтузиазм у нее, понимаешь ли, умничать ей надо, о науке и искусстве разговаривать... Ой, досталось бы мне такое счастье... Смотри, опомнишься, заплачешь – я тебе сопلي вытирать не буду!

– Если бы ты меня послушала, то я бы постаралась все объяснить, – начала Лиза слабым голосом.

– Ладно, потом все расскажешь, доходяга ты моя, а сейчас ну-ка давай бульончика, – и Лика принесла из кухни чашку невероятно терпкого пахучего бульона...

Восстанавливалась Лиза очень медленно. Упрямый столбик термометра будто бы застыл на отметке тридцать семь и четыре, а надсадный кашель не давал уснуть по ночам. Лика навещала ее каждые два часа, делала уколы и кормила все тем же бульоном.

– Хочу сказать, что из-за твоей дурацкой болезни у меня накрылась поездка в Америку, – ворчала она, разбирая груженные продуктами авоськи, – не каждый, блин, день случается такая возможность.

– Ой, Ликуша, расскажи, – Лиза давилась от смеха, пытаюсь спрятаться поглубже в одеяло.

– Ну чего тут смешного – знакомство по переписке. Есть специальное агентство. Не думай все солидно – ковры, диваны, часы с золотом. Приносишь пятьдесят грин и фотку, тебя сразу же вводят в компьютер, ну и ...

– Ну то, что приносишь – это понятно, только дальше что?

– Слушай, Усольцева, чего ты такая дотошная. Дальше тебе пишут разные Американские фирмачи, и ты катишь в Штаты. У них там на наших баб мода, въехала наконец? – Лика начинала злиться.

– Так а почему ты- то не поехала?

– Потому что свои пятьдесят кровных долларов на твои паршивые таблетки истратила!

– Ой, Лика, какая же я дура. Как только поднимусь, в тот же день тебе отдам.

– Куда ты денешься с подводной лодки, а теперь давай сооружать причесон, а то ты у нас снова девушка на выданье...

Когда утихло цоканье ножниц, и Лиза взглянула на себя в зеркало, ей захотелось плакать, потому что стричь Лика так и не научилась. Тяжелые, струящиеся водопадом Лизины локоны уступили место обгрызенным вихрам. Коротенькая, будто бы после тифозной острижки челочка полностью открывала лоб, а остатки волос на затылке топорщились, как у младенца.

– Эй, потом налюбуйешься, к телефону подойди, – вопила Лика через всю квартиру, – не успела от мужа свалить, как уже мужики звонят.

– Добрый день, Елизавета Дмитриевна, – напряженный голос Ивана был тороплив и отрывист, – я не знаю, уместен ли мой звонок, если нет, то прошу меня простить. Я хотел сказать вам, что Вербицкий покидает больницу. На время вашего отсутствия его лечением занялась сама Раиса Петровна, но от приема лекарств он категорически отказался. Потому заведующая сочла, что его присутствие в стационаре нерационально и вообще в отделении был страшный конфликт. Так что сегодня, после обеда он уходит. Не знаю, зачем я вам все это рассказал, но...

Лиза недослушала, нажала на рычаг и, из трубки теперь доносились лишь визгливые короткие гудки. Если он уйдет

сегодня, то она больше никогда не увидит этого седого мальчишку, бесценного, единственного мужчину всей ее одинокой и несчастной, в общем-то жизни. Если он уйдет по раскисшей весенней дороге, исчезнет, затеряется в клубке Московских улиц и, какой-нибудь продрогший троллейбус увезет его навсегда, то завтра для Лизы уже не наступит, потому что ранние сумерки растворят ее сочащуюся тоскою душу, оставив на земле только пустую, как тряпичная кукла оболочку. Потому Лизе нужно спешить, гнать, лететь, ловить самую быструю на свете машину, которая будет мчаться и катить на красный свет без правил и без оглядки...

... И странную картину видели в тот хмурый день редкие прохожие. По аллее Подмосковного парка шел в сторону станции седой человек в старомодном пальто, а на перерез ему, увязая в мартовских сугробах, летела молодая женщина. Волосы ее были коротко острижены, цвет лица говорил о недавней болезни, а под пальто виднелась пижама детской расцветки.

– Леонид Алексеевич, Леня, Ленечка, – кричала она, и с каждым последующим словом голос ее звучал все более мощно, а интонации были таковы, словно женщина своим криком пытается предотвратить страшную какую-то беду, – я приехала за тобой, я люблю тебя!

Седой человек сошел с дороги в глубокий снег и шагнул навстречу Лизе...

«Господи, сколько же сумасшедших, и вроде бы больни-

ца рядом, а все равно по улице гуляют» – проворчал старик в ратиновом пальто и еще долго выворачивал свою толстую красную шею, глядя на то, как те двое целуются, стоя по колено в снегу...

...Мать Лени Вербицкого была портнихой, или как он сам любил говорить модисткой, словом, шила на людей, которые приходили прямо в их маленькую квартирку, где и располагалось ателье. В самой светлой из комнат размещалась швейная машинка, безголовый, безрукий манекен и ширма, за которой происходили таинства примерок. Мадам Вербицкая за работу брала недорого, имела вкус и разбиралась в модах. Эти обстоятельства делали ее весьма популярной, как в среде мающихся от безделья начальничьих дочек и жен, так и между дам полусвета (Ленина мать любила выражаться исключительно «как в прежние времена»), которые не без удовольствия приезжали на примерку, где можно было славно поболтать, изливая душу. Вербицкая была идеальной собеседницей, из тех, что внимательно слушают и никогда не говорят о себе. Ее очаровательный сынок был в меру избалован и всегда затискан клиентками, приходящими примерить наряд. Однако в ту весну ему сравнялось шестнадцать, и он уж был почти студент, потому посетительницы ателье оставили свои ласки и лишь вздыхали о стройном и белокуром юнце, подходящим, по их мнению, на роль Аполлона (в домашнем спектакле). А молодой Леня Вербицкий в самом деле был хорош – кареглазый блондин и длинные нервные пальцы – наследие музыканта-отца, исчезнувшего при загадочных об-

стоятельствах.

Сам Леня разглядывал дам и «барышень» украдкой, и приходил к выводу, что чуть повзрослевшие школьницы, только вчера надевшие свои первые «взрослые» платья, не волнуют его ничуть. Совсем другое дело женщины, со сложившейся судьбою, чарующей бледностью, томительным запахом духов и чего-то еще пока неизвестного... В грезах мерещилась ему темная вуаль, тени вокруг мохнатых дымчатых глаз, надменные, но плутовские губы и долгая-долгая шея, утопающая в бесценных мехах. Конечно же, Леня понимал, что это всего лишь мираж, иллюзия, фантазия начинающего живописца, и в реальной жизни чаще встречаются наглые взгляды из-под челок, крашенные блондинки и широкие спины. Да и потом разговоры материных клиенток, которые ничуть не стеснялись присутствия молодого человека, вечно сводились к маринованию огурцов, непостоянству любовников и к лишним килограммам, что так уродуют талию и отягощают бедра... Но все равно лиловыми весенними вечерами он бродил по бульварам и набережным в надежде встретить ее. И встреча, конечно же, произошла. Только не в каком-нибудь романтическом уголке, который он и сам с трудом себе представлял, а прямо в ателье мадам Вербицкой, куда «дыша духами и туманами» его мечта явилась, чтобы пошить себе новое платье. С того дня он буквально обезумел и уж конечно не разглядел того, что «меха» – это безыскусно крашенный кролик, аромат духов резок и тяжел, а под вуа-

люлю прячется пожухлое лицо утомленной проститутки.

Ленина страсть ей польстила, потому как Ада (она называла себя так) уже перестала ощущать себя женщиной, а тем более женщиной любимой. Мальчуган был мил и, забавными казались ей поначалу его порывы, ревность и неумелые ласки. Ада даже решила устроить себе маленький отпуск. Недельку, не более того, но вместо отдыха получилось, черт знает что такое. Она навязчиво считала дни своего бутафорского счастья, а они утекали стремительно и незаметно, словно вода в песок. И казалось ей, что недостаточно насыщен каждый миг, и все ближе час, когда опять придется отправиться на панель, потому ночами не могла она спать, а все плакала и плакала о том, о чем когда-то научилась не вспоминать. Так к концу своих «каникул» Ада решила умереть, но, наглотившись таблеток и порошков, она только проспала дольше обыкновенного, а, пробудившись, поняла, что пора возвращаться к обычной жизни, и не так уж она и ужасна. А щенка этого нужно просто выбросить вон...

Поначалу Ада лгала по телефону о какой-то своей вдруг наступившей занятости, вечером, выходя на работу, выбирала новые маршруты и попросту не отпирала входную дверь, когда не ожидала клиента или подругу. Она надеялась, что мальчишке скоро надоест, и он отыщет новый предмет для воздыханий. Леня же не мог даже допустить такой мысли, что она, сказочная жар-птица, самая чистая из женщин, ожившая мечта может его обмануть. Для чего же тогда гово-

рились ею все те слова, ради которых он теперь живет.

Когда же наконец Ада устала от натиска Вербицкого, она решила сказать ему все как есть. Заслышав звонок, она открыла дверь и, не стесняясь в выражениях, принялась объяснять Лене что и как устроено в ее жизни. Голос ее был хриплым от водки и то и дело срывался на крик.

– Если хочешь приходить сюда – плати. Я не сплю с мужчинами бесплатно, понял, сопляк?

– Не говори так, Ада! – мальчик был готов разрыдаться. Его еще по-детски пухлые губы вздрагивали, а слова, будто почерпнутые из оперетты, звучали пронзительно. – Я спасу тебя, ты просто запуталась, милая моя. Скажи сколько нужно денег, чтобы ты оставила этот промысел. Или лучше вот что – мы с тобой уедем, куда-нибудь далеко, например, в Москву, там тебя никто не знает. Мы будем счастливы, я стану работать, брошу живопись к черту. Я обеспечу тебя всем, мы не будем нуждаться... Ты родишь мне девочку, и ее тоже будут звать Ада... Только скажи да!

Но Ада хохотала хрипло, словно Леня говорил что-то очень забавное.

– Ты меня хорошо посмешил, мальчик. Пойдем вместе выпьем, а потом ты отправишься к маме. Она хорошая баба, не стоит ее огорчать... А завтра я и впрямь уезжаю, только одна, без попутчиков...

Ночью Леня не сомкнул глаз. Он больше не плакал, потому что принял решение, и когда часы ударили три раза сел

сочинять письмо для матери. Леня любил мать, только вот почему-то нужные слова найти для нее так и не сумел. Получилось нечто газетное, по канцелярски-сухое: «Ставлю тебя в известность... В новых условиях...Вынужден...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.